

Данильченко Сергей Леонидович

д-р ист. наук, профессор, академик РАЕН, РАЕ,
РАМТН, директор, заведующий кафедрой
ГБОУ ПО г. Севастополя «Севастопольский
педагогический колледж им. П.К. Менькова»
г. Севастополь

ИССЛЕДОВАНИЕ ВОПРОСА О ВОЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ КАК НАУКЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ЕЕ КАК УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1921–1941 гг.)

Аннотация: в статье отмечено, что вскоре после окончания гражданской войны перед советской военно-экономической мыслью встал целый ряд военно-экономических проблем. Интересы обороноспособности страны требовали глубокого анализа экономических проблем первой мировой и гражданской войн, разработки путей и методов наиболее безболезненного и быстрого перевода всего народного хозяйства на военные рельсы, дальнейшего развития самой военно-экономической науки.

Ключевые слова: военная экономика, военно-экономическая мысль, экономика войны, военное хозяйство, специальные военно-экономические дисциплины, военно-экономическая политика зарубежных государств, зарубежные военные и военно-экономические теории.

Разработка вопроса о предмете и содержании военной экономики как науки и постановка ее как учебной дисциплины представляла собой одно из важных направлений в развитии советской военно-экономической мысли межвоенного периода (1921–1941 гг.). Особое внимание привлекал к себе вопрос о военной экономике как научной дисциплине. В этой проблеме спорным было все: и предмет, и определение и структура новой дисциплины. В эти годы советские авторы, исследуя проблему взаимосвязи экономики и войны, применяли различную терминологию. Наиболее распространённым было понятие «экономика войны». Вместе с тем широкое хождение имели термины «военное хозяйство» и «военная

экономика». Сложность понимания позиций авторов заключалась в том, что одни и те же объективные явления они называли различной терминологией. Так, народное хозяйство страны в условиях войны одни авторы называли «экономикой войны», другие «военной экономикой», третьи – «военным хозяйством», а четвертые – отождествляли все три понятия [1; 2]. В то же время разнородные явления получали одинаковые названия. Например, термином «военное хозяйство» называли и народное хозяйство страны во время войны, и хозяйство войск (армейское хозяйство). Термином «экономика войны» называли вообще все многообразие связи между войной и экономикой. Все это являлось серьезным препятствием для научной разработки сущности и содержания военной экономики как науки и усложняло работу по подготовке учебных пособий для военных учебных заведений.

Разнобой в понимании «военной экономики» («экономики войны», «военного хозяйства») как объективного явления требовал глубокого анализа и систематизации русской и зарубежной военно-экономической литературы по данному вопросу. Определенная квалификационная работа, проведенная в середине 1920-х годов, позволила выделить четыре точки зрения на «экономику войны» [3]:

– техническую точку зрения на «экономику войны», рассматривающую связь между экономикой и производством военной техники. Огромное значение военной техники для исхода войны было замечено в древние времена, но связь ее с экономикой начала выясняться не раньше первой половины XIX века. В условиях бурного развития производственных сил и современных войн связь между военной техникой и экономикой настолько тесна, что стало трудно размежевать эти области. Это служило основой для развития технической точки зрения на «экономику войны», под которой в данном случае понималась экономика, связанная с производством военной техники;

– народнохозяйственную точку зрения на «экономику войны». Это точка зрения возникла под влиянием огромного значения народного хозяйства как определяющего фактора войны. Война с некоторых пор стала рассматриваться

не только как столкновение вооруженных сил, но и как столкновение народов, со всеми их материальными и моральными ресурсами. Сторонники такой точки зрения рассматривали «экономическую войну» как народное хозяйство страны, переведенное на военные рельсы. В ряде работ советских авторов четко и определенно сказано, что объективное явление «военная экономика» («военное хозяйство», «экономика войны»), понимаемое в этом смысле, появилось лишь в годы первой мировой войны, когда к удовлетворению нужд войны была привлечена вся экономика, все народное хозяйство [1, с. 4; 4–7];

– социально-политическую и мирохозяйственную точку зрения на «экономику войны». В данном случае под «экономикой войны» понималась система экономических отношений, экономическая политика государства как основа возникновения войн;

– ведомственную, военно-хозяйственную точку зрения на «экономику войны», которая появилась раньше любой другой точки зрения. Под «экономикой войны» в данном случае понималось хозяйство войск, хозяйства армии. Это объективное явление, вызванное необходимостью обеспечения армии всеми видами довольствия, породило специальную отрасль военной науки, изучающие вопросы снабжения армии в мирное и военное время. Такой подход к пониманию «экономики войны» назывался многими советскими авторами ограниченным, «интендантским» подходом.

Большинство советских исследователей под «экономикой войны» как объективным явлением понимали народное хозяйство страны, привлеченное к обеспечению нужд войны, но называли это явление разной терминологией: «экономика войны», «военная экономика», «военное хозяйство». Однако отдельные авторы строго разграничивали эти понятия и в каждое из них вкладывали самостоятельный смысл. Например, советский военный экономист П. Каратыгин к понятию «экономика войны» подходил с социально-политической точки зрения, рассматривая ее как экономическую основу возникновения войн. К понятию «военная экономика» он подходил с народнохозяйственной точки зрения, то есть понимал ее как народное хозяйство страны во время войны [8]. Ф.А. Макшеев,

наоборот, отождествлял понятия «экономика войны» и «военная экономика», имея в виду под ними народное хозяйство страны во время войны, но строго определял понятие «военное хозяйство» как хозяйство войск [9]. Определенный смысл в каждое из этих понятий вкладывали Е. Святловский, Н. Дейч, Б. Букин и другие авторы.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на разногласия в понимании предмета «экономики войны», все советские авторы считали необходимым быстрее приступить к исследованию военно-экономических вопросов. Спорным был лишь вопрос о том, какая область научных знаний должна заниматься этими проблемами и какие задачи ей предстоит решить.

По вопросу создания специальной военно-экономической дисциплины в советской литературе существовало две точки зрения. Одна группа исследователей считала, что создание особой, новой науки – «экономики войны» является объективной необходимостью и чем быстрее она получит права гражданства, тем быстрее будут разработаны отправные данные, которыми следует руководствоваться при подготовке экономики страны к вооруженной борьбе.

Вторая группа авторов отвергала возможность существования самостоятельной военно-экономической науки, считая, что «экономика войны» не является объектом особого теоретического исследования, а есть лишь частная проблема экономической теории.

Сторонникам самостоятельной военно-экономической науки были Н. Данилов, М. Синдеев, Ф. Макшеев, Г. Шигалин и другие. Против такой постановки вопроса выступали Е. Хмельницкая, В. Вашкевич, Я. Букшпан.

Наиболее полно сущность обеих точек зрения была изложена в работах Е. Хмельницкой и Г. Шагалина.

Е. Хмельницкая считала, что познание экономических процессов, порожденных данной войной, возможно лишь на базе экономической теории, вскрывающей законы той хозяйственной системы, которая породила войну, а поэтому изучение и экономическое исследование огромного фактического материала войны не требует новой теоретической системы [1, с. 10].

Таким образом, «военная экономика», в понимании Е. Хмельницкой, была одной из составных частей общей экономической теории, главой политической экономии. Свой взгляд на содержание марксистской теории экономики войны Е. Хмельницкая изложила в статье «Основные задачи теории экономики войны» [11]. В этой работе она приходит к выводу, что марксистская теория экономики войны должна решать две основных задачи. Во-первых, поскольку война является закономерным явлением империализма, и экономическая подготовка войны входит в самую суть капиталистического развития, постольку марксистская теория экономики войны должна изучать пути и методы капиталистической подготовки к войне, вскрывать ее природу как явление, имманентное загнивающему капитализму. Вторая важнейшая задача марксистской теории экономики войны, по мнению Е. Хмельницкой, должна заключаться в том, чтобы помочь практике реализовать преимущества советской системы планового хозяйства применительно к экономической подготовке СССР к обороне.

Сущность другой точки зрения на «экономику войны» была изложена Г. Шигалиным в работе «Промышленность в условиях войны». Соглашаясь с тем, что изменения военного времени нельзя изучать без сравнения с хозяйством мирного времени, что не может быть науки о военном хозяйстве, делающей выводы независимо от теоретических положений, установленных общей экономической наукой, Г. Шигалин, тем не менее, считал ошибочным вывод, что область исследований военно-экономических явлений не может иметь право на звание научной дисциплины. По его убеждению, существование военно-экономической науки как отрасли научного знания, связанной тесными узами, с одной стороны, с циклом общих экономических наук, а с другой – с общим учением о войне, допустимо с методической точки зрения и необходимо с точки зрения военной практики. Принципиальные расхождения во взглядах на содержание военной экономики как науки у сторонников первой и второй точек зрения не было.

Говоря о становлении военной экономики как учебной дисциплины, необходимо отметить, что военно-экономические вопросы изучались уже в годы гражданской войны. Более того, уже в то время делались попытки читать

специальный курс по «экономике войны». Так, небольшой курс лекций по военно-экономическим вопросам для слушателей Военно-инженерной академии в 1920–1921 гг. читал профессор Н. Данилов. Курс «Экономика войны» до 1924 года читался слушателям Военно-хозяйственной академии РККА и Флота. Аналогичный курс был введен для слушателей военного отделения при Институте народного хозяйства им. Плеханова. Специальная литература отсутствовала. Преподаватели занимались импровизацией и пользовались личным опытом.

Значительно больше внимание военной экономике как учебной дисциплине стало уделяться с 1925 года. Огромную роль в этом сыграл М.В. Фрунзе. Будучи начальником Военной академии РККА, а затем, возглавляя Вооруженные Силы страны, М.В. Фрунзе требовал изучать экономические проблемы войны так, «чтобы будущие руководители армии были основательно ознакомлены с состоянием страны под углом использования всех хозяйственных возможностей для войны» [11, с. 178].

С 1925 года впервые в цикл наук, изучаемых в Военной академии РККА, был введен курс «Экономика войны», разработана программа. На изучение новой дисциплины отводилось 20 часов учебного времени. В последующие годы курс «Экономика войны» совершенствовался, вводились новые темы, незначительно изменялись старые, но в целом структура курса не претерпела серьезных изменений вплоть до середины 1930-х годов.

Значительно шире по объему новая дисциплина изучалась в Военной академии механизации и моторизации РККА им. Сталина. Программа по курсу, который назывался «Экономика войны и мобилизация промышленности», включала 60 часов учебного времени, из них на лекции отводилась 26 часов, на групповые занятия – 34 часа. Примерно по такой же программе, с небольшими изменениями в содержании и объеме, изучалась «экономика войны» в других военных академиях и на курсах командного состава.

С середины 1930-х годов специальный курс «Экономика войны» был отменен. Это, однако, не означало прекращения изучения военно-экономических

проблем. Многие темы стали изучаться в курсе «Военная география» и «Мобилизация промышленности», который впоследствии стал называться «Организация и мобилизация вооруженных сил и мобилизация промышленности».

Советская военно-экономическая мысль внимательно изучала ход экономической подготовки зарубежных государств к войне. Эта работа имела большое значение для оценки военно-экономического потенциала иностранных государств и принятия соответствующих решений в нашей стране.

Изучение опыта экономической подготовки западных стран к войне занимался сравнительно узкий круг исследователей. Среди них признанным специалистом был С.М. Вишневу. Его перу принадлежат основные труды, относящиеся к данной проблеме.

Основное внимание советской военно-экономической мысли уделяла анализу экономической подготовки к войне главных мировых держав, а также государств, сопредельных с СССР. Глубоко и всесторонне изучались военно-экономическая политика зарубежных государств, постановка в них теоретических исследований важнейших военно-экономических проблем, система законодательства в этой области, структура и функции военно-экономического управленческого аппарата, составление важнейших отраслей экономики, особенности экономической подготовки к войне и т. д.

Особенно большое внимание изучению экономической подготовки иностранных государств к войне стало уделяться с приходом к власти в Германии фашизма. С этого времени темп экономической подготовки к войне резко возрос не только в Германии, но и в других странах.

Анализ военно-экономических мероприятий мировых держав, неуклонно втягивающихся во Вторую мировую войну, был дан в целом ряде интересных статей, докладов и специальных работ советских авторов [12; 13].

В начале Второй мировой войны интерес к этой проблеме еще больше возрос. В 1940 году был опубликован обобщенный Институту мирового хозяйства и мировой политики материал о подготовке и военно-хозяйственных мероприятиях главных держав, вступающих в войну [14]. Ценность его состояла в том, что

он обобщал опыт первых месяцев войны и позволял сделать выводы для нашей практики. В работе, в частности, отмечалось, что приспособленность народного хозяйства воюющих держав к войне за полгода оказалась на уровне, который был достигнут лишь к концу Первой мировой войны.

В специальной работе С. Вишнева был детально рассмотрен военно-экономический потенциал начавшей войну Германии [15].

Внимательное изучение военно-экономических мероприятий западных держав и их критическая оценка позволяет следить за ходом экономической подготовки к войне и вооружали руководство нашей страны необходимыми данными для принятия соответствующих решений.

Свидетельством политической и научной зрелости, последовательного развития советской военно-экономической мысли являлась ее принципиальная критика зарубежных военно-экономических взглядов 1920–30-х гг.

Непредвиденные масштабы и неожиданные итоги Первой мировой войны застали мировую политическую элиту врасплох и, вскоре после отрезвления, побудили ее заняться всесторонним изучением экономических проблем войны. Исследование данных вопросов осуществлялась в резко изменившейся политической и социально-экономической обстановке. Мировое хозяйство было охвачено общим кризисом, захватившим все сферы общественной жизни, в том числе область военного дела. Кризис зарубежной военно-теоретической мысли выразился в неспособности англо-саксонской военной науки вскрыть объективные закономерности нового, машинного периода войны, правильно определить место появившейся на полях сражений новой техники, обобщить особенности современного военного искусства. При разработке экономических проблем войны зарубежные военные идеологи опирались на устоявшиеся экономические теории; в силу чего они не могли понять всей глубины экономики современной войны, во многих отношениях были беспомощны.

Все западные военно-экономические теории и идеи носили ярко выраженный милитаристский характер и служили интересам своей национальной политической элиты. Они представляли собой не что иное, как рецепты,

разработанные военные теоретиками по социальным заказам господствующих политических сил.

Западная военная наука вынуждена была считаться с двумя выводами, вытекающими из опыта Первой мировой войны. С одной стороны, она должна была учитывать возросшую роль экономики в ходе и исходе войны и разрабатывать экономические проблемы войны. С другой стороны, она должна была считаться с фактом вовлечения в войну широких слоев населения, подвергающих определенному риску само политическое господство существовавших элит. Этим обстоятельством советские исследователи объясняли крайнюю пестроту, неопределенность и непоследовательность зарубежных военных теорий, которыми был богат межвоенный период.

Советскими авторами анализировалась экономическая составляющая всевозможных доктрин, теорий и идей, их политическая сущность и геополитическая направленность. Критике подвергались все стороны иностранных военно-экономических взглядов. Критика шла по трем основным направлениям.

Наученная опытом подавления революционных событий первой четверти XX века, мировая закулиса при подготовке к новой войне учитывала опасность и возможность революционного выхода пролетариата из войны. Исходя из этого, появились теории «малых армий», «механизированных войн», «воздушных войн», «химических войн» и т. д., в которых красной линией проходит мысль о замене ненадежного человека механической силой, новым оружием.

Экономической основой этих теорий являлись бурное развитие производительных сил и появление в связи с этим нового, совершенного орудия, способного якобы заменить человека.

Теория «малых армий» наиболее законченное выражение получила в работах Дж. Фуллера, типичного представителя британского великодержавного империализма. В книгах «Танки в великой войне 1914–1918 гг.», «Реформация войны» и ряде других работ Дж. Фуллер утверждал, что замена человека машиной является главным изменением в военном деле и поэтому идеальная армия, в которой надо стремиться, – это не вооруженный народ, а один человек,

способный нажимать кнопки. «В прошлом войны часто решались живой силой, в будущем они будут решаться механической силой, порожденной силой человеческого мозга» [16, с. 52], – говорил Дж. Фуллер.

Экономическую составляющую теории «малых армий» Дж. Фуллера и его сторонников – Лиддела Гарта, Г. Зольдана, фон Секта и др. критике подвергли М.В. Фрунзе, М.Н. Тухачевский, В.К. Триандафиллов, М.И. Пермский и другие советские авторы. М.Н. Тухачевский, например, отмечал, что идея «малой армии» берется Дж. Фуллером из области экономического развития. Но из этого развития выводы надо делать как раз обратные. Безусловно, с прогрессом техники растет производительность труда рабочего, но отсюда вовсе не следует, что с ростом технического прогресса уменьшается общая численность рабочих. Наоборот, численность рабочего класса растет. Тот же процесс наблюдается в развитии вооруженных сил.

Сторонники теории «малых армий» упускают из виду один важный момент, а именно: параллельное развитие как средств разрушения и истребления, так и средств защиты. Всякому новому оружию нападения противопоставляется средство обороны. Однако технику обслуживают люди, и если растет количество техники нападения и защиты, то так же быстро растет и количество обслуживающего персонала. Таким образом, по убеждению советских авторов, происходит не замена человека машиной, а замена старых видов и родов войск новыми, происходит сдвиг в структуре вооруженных сил, а не их количественное сокращение. Ни о каком уменьшении численности армии не может быть и речи. «Разговоры о малых, но подвижных механизированных армиях в больших войнах являются баснями и всерьез могут приниматься только легкомысленными людьми» [17, с. 152].

Название теорий «механизированных войск», «воздушных войн», «химических войн» по существу можно отнести к разновидностям теории «малых армий». В советской литературе они известны также как теории сторонников крайних направлений в использовании новых видов военной техники.

Одной из них была разработанная в начале 1920-х годов теория «воздушной войны» итальянского генерала Дуэ [18]. Понимания, что в будущей войне промышленные центры и объекты тыла будут играть важнейшую роль, генерал Дуэ открыто проповедовал беспощадную воздушную бомбардировку крупных промышленных и политико-административных центров, транспортных средств, узлов связи, а также городов и сел с тем, чтобы терроризировать мирное население и сорвать мобилизацию вооруженных сил.

Доктрина генерала Дуэ была от начала до конца авантюристичной и технически необоснованной. Она, во-первых, игнорировала параллельное развитие средств противовоздушной обороны, во-вторых, переоценивала экономические возможности итальянской авиастроительной промышленности, в-третьих, выражала необъективную тенденцию в развитии итальянских вооруженных сил, а разочарование военных кругов Италии наступательной способностью сухопутной итальянской армии.

Такой же несостоятельной была теория «химической войны», делавшая ставку на бурное развитие химической промышленности и поражающие свойства химического оружия.

Советские исследователи неоднократно подчеркивали, что даже самые яркие сторонники и теоретики «малых армий» отлично понимали, что будущая война примет всеобъемлющий, всенародный характер. Практическая подготовка западных держав к войне осуществлялась в соответствии именно с такой точки зрения на войну. А чтобы не поднимать на щит сопутствующие социальные явления таких войн, западные идеологи стремились замаскировать их самыми сложными и причудливыми дымовыми завесами.

Понимая, что война с СССР будет идеологической и бескомпромиссной, сторонники теории «массовых войн» (в Германии – Ф. Бернгарди и Г. Бастико и Р. Моретта, в Англии – Ф. Моррис и другие) основное внимание уделяли разработке планов, направленных на полное разрушение экономики, массовое уничтожение мирного населения, дезорганизацию всей общественной жизни. Причем

эти планы объяснялись не агрессивной политикой Запада, а объективной ролью мощных современных наступательных средств.

Особую опасность и ярко выраженный агрессивный характер зарубежные военные и военно-экономические теории получили с приходом к власти в Германии фашизма. С этого момента господствующее положение занимает теория «тотальной и молниеносной войны», впитавшая в себя самые реакционные идеи германского милитаризма XIX века. Экономический смысл теории заключается в том, что к подготовке к войне еще в мирное время привлекались все людские и материальные ресурсы страны, на службу войне ставилась вся экономика, расчищался широкий путь для бешеной гонки вооружений и безудержной пропаганды милитаризма.

Советские авторы убедительно показали, что экономическая подготовка фашистской Германии и других западных стран к войне сопровождалась бурным ростом военных расходов, усиленной эксплуатацией ресурсов и прикрывалась пропагандой милитаризма, шовинизма и расизма.

Огромная роль экономики, проявившаяся в ходе мировой войны, заставила мировую военно-экономическую мысль уделить большое внимание разработке проблем зависимости военной мощи страны от экономических факторов. Эти исследования вылились в разработку теории «военного потенциала», сущность которой заключалась в отыскании критериев военной мощи государств, в нахождении измерителей, точно учитывающих не только явные, но и скрытые силы.

Наиболее полно теория «военного потенциала» была разработана в трудах французских, немецких и японских специалистов и опубликована в 1931 году в сборнике, подготовленном Лигой наций. Сборник ставил своей целью обобщение мнений ведущих специалистов по поводу возможного разоружения, а вместо этого стал трибуной пропаганды путей и методов подготовки основных мировых стран к будущей войне.

Так, профессор Парижского университета В. Уалид в понятие военного потенциала включал вооруженные силы, географические факторы, экономические факторы, а также моральный и политический потенциал. Однако он ограничивал

исследование военного потенциала лишь экономическими элементами. Это делалось В. Уалидом не в учебных целях, а с дальним политическим прицелом. Французы выпячивали экономические элементы, старались придать им решающее значение, ибо считали Германию в этом смысле более мощной. Французская точка зрения на военный потенциал должна была противостоять немецкой. Анализируя экономические элементы военного потенциала, В. Уалид заявил, что свести их к одному показателю невозможно, тем самым составление военного потенциала различных стран становится неразрешимой задачей.

Совершенно противоположной точки зрения придерживался немецкий генерал Монтгелас. Он считал, что военный потенциал страны включает две группы факторов: актуальные и потенциальные. К актуальным факторам относятся вооруженные силы мирного времени и военнообученные резервы, все материальные средства, находящиеся в распоряжении вооруженных сил и долговременные укрепления. К потенциальным факторам Монтгелас относил людские ресурсы, за исключением постоянных вооруженных сил и обученных резервистов, все экономические элементы, географическое положение. Сопоставляя значение актуальных и потенциальных факторов, Монтгелас делал вывод, что, какими бы мощными ни были потенциальные факторы, они не могут компенсировать превосходства военных сил противника.

По мнению советских авторов, политический смысл такой оценки военного потенциала состоял в том, чтобы парировать тезисы Франции в вопросах разоружения. Западные теоретики превращали теорию «военного потенциала» в оружие дипломатической борьбы. В понятие военного потенциала вкладывалось такое содержание, которое было выгодно политической элите данной страны.

Острой критике в СССР подвергались не только сущность подобных определений военного потенциала, но и методика его оценки. Попытки измерять военный потенциал лошадиными силами в год, количеством сырья, числом военных трудов и патентов не разделялись советскими исследователями.

Первая мировая война была неожиданной, прежде всего, с экономической, материальной стороны. Как известно, она опрокинула основные военно-

теоретические положения военной науки, и, тем не менее, в первые послевоенные годы отдельные западные теоретики продолжали цепляться за вечные и неизменные принципы в ведении военных действий и войны в целом. Вынужденные признать зависимость победы от факторов, лежащих в области экономики, они не хотели признавать изменений самих принципов войны.

По мнению советских авторов, метафизическое мировоззрение не давало возможности отдельным зарубежным теоретикам осознать сущность исторической закономерности развития военного дела и зависимости последнего от экономических и политических факторов. Проблемы военной экономики как новой области теоретических знаний они оставляли без должного внимания.

Отдельные теоретики, наоборот, увидели в военной экономике преобразующую силу. Они утверждали, что под воздействием войны происходят коренные качественные изменения в самой сущности мировой экономики, появляется «новое хозяйство», некая федерация трестов и синдикатов, живущая якобы в единстве с народом. Военная экономика, по их мнению, разрешала многие противоречия мирного времени [19].

Советские исследователи убедительно показали, что милитаристская военная экономика есть экономика господства монополий и эксплуатации ресурсов, ускоряющая рост государственно-монополистического сектора экономики и обостряющая социальные проблемы общества. Никаких противоречий она не решает.

Предпринимались также попытки создать с либеральных позиций политическую экономию войны – теорию, указывающую путь подготовки населения к несению военных тягот, к выходу из войны с минимальными финансовыми потрясениями, к подготовке приемлемых и популярных для частного экономического мероприятий [20]. Эта теория была призвана объяснить экономические явления войны с позиции политических интересов национальных элит, выполнить определенную апологетическую миссию.

Таким образом, возникновение советской военно-экономической мысли является закономерным явлением, вызванным необходимостью разработки

экономических проблем войны в защиту СССР. Ее появление обусловлено не действием марксистских постулатов о социалистическом строе, а наличием мировой закулисы, агрессивной политикой западных держав.

В годы гражданской войны советская военно-экономическая мысль разрабатывала рекомендации для решения основных экономических проблем войны, что способствовало разгрому иностранной интервенции и внутренней контрреволюции.

В период между гражданской и Великой Отечественной войнами характер развития советской военно-экономической мысли отражал условия внутреннего политического и экономического развития СССР и особенности международной обстановки. Процесс развития военно-экономической теории протекал под непосредственным контролем советского политического руководства.

Важнейшие положения, разработанные советской военно-экономической мыслью в межвоенный период, были положены в основу экономической подготовки СССР к отражению фашистской агрессии, прошли проверку огнем войны и доказали свою научную объективность и историческую состоятельность.

Список литературы

1. Хмельницкая Е. Военная экономика Германии 1914–1918 гг. – М.; Л.: Госиздат, 1929.
2. Основные задачи теории экономики войны. Записки секции по изучению проблем войны. Т. 4. – М.; Л., 1931.
3. Святловский Е. Экономика войны в научной литературе // Техника и снабжение Красной Армии. – 1924. – №110.
4. Фрунзе М.В. Территориальное строительство и работа в деревне. Избр. произ. Т. 2. – М.: Воениздат, 1957. – С. 221–222.
5. Шапошников Б.М. Мозг армии. – С. 237.
6. Иоффе Я. Блокада и народное хозяйство в мировую войну. – М.; Л.: Госиздат, 1929. – С. 30.
7. Шигалин Г. Экономика мировой империалистической войны. 1914–1918 гг. – М., 1938. – С. 6.

8. Каратыгин П. Война материалов // Война и революция. – 1925. – Кн. 3.
9. Макшеев Ф.А. Военное хозяйство и военная экономика // Военное хозяйство. – 1923. – №3.
10. Записки Секции по изучению проблем войны. Т. 4. – М.; Л.: Коммунистической академии, 1931.
11. Фрунзе М.В. Избр. произв. Т. 2.
12. Вишнев С. Сырьевое обеспечение в системе военно-экономической подготовки капиталистических государств. Доклад в Комитете резервов при СТО. – М., 1934.
13. Подготовка второго тура империалистических войн: Сб. статей. – М.: Партиздат, 1934.
14. Военно-хозяйственные мероприятия воюющих государств. – М.: Воениздат, 1940.
15. Вишнев С. Экономические ресурсы Германии. – М., 1940.
16. Фуллер Дж. Реформация войны / Пер. с англ. – М.: Госвоениздат, 1931.
17. Тухачевский М.Н. Предисловие к кн. Дж. Фуллера «Реформация войны». Избр. произв. Т. 2. – М.: Воениздат, 1964.
18. Дуэ. Господство в воздухе / Пер. с итал. – М., 1936.
19. Ратенау В. Новое хозяйство / Пер. с нем. – М., 1923.
20. Пигу А. Политическая экономия войны / Пер. с англ. – Л.: Воениздат, 1924.